

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. СМОЛЬКИН

ТРАНСФОРМАЦИИ УВАЖИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ У (ИМ)МИГРАНТОВ

Сегодня отношение к пожилым людям со стороны молодёжи в крупных российских городах по умолчанию считается неуважительным, однако нередко и носители культурных традиций, предполагающих уважение к старшим (например (им)мигранты с Кавказа и из Средней Азии), в российских условиях не проявляют его в должной мере. Как и почему меняется модель отношения к пожилым людям у представителей культур, традиционно характеризующихся почтительным отношением к старости, в условиях крупного российского города? Среди причин исчезновения уважительных действий выделяются отсутствие репрессивных санкций за неоказание уважения, размытость объекта уважения, слабая совместимость традиционных поведенческих моделей с ожиданиями окружающих и т. п.

Ключевые слова: социальная геронтология, ресоциализация, отношение к старости, адаптация мигрантов, межпоколенческие отношения.

Сегодня отношение к пожилым людям в крупных российских городах по умолчанию признаётся неуважительным, ответственность за что обычно инкриминируется молодёжи. Однако, как я пытался доказать ранее, причины неоказания уважения к пожилым людям со стороны последней неверно сводить, например, к «отсутствию воспитания» или каким-либо ещё формам её морального несовершенства (подробнее см.: [13, с. 106–121]). Нередко и носители культурных традиций, предполагающих уважение к старшим (например, мигранты с Кавказа и из Средней Азии), в собственно российских условиях его не проявляют — по крайней мере, в предполагаемых их собственной

Смолюкин Антон Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета. Адрес: 410010, Саратов, ул. Осипова, д. 4, кв. 64. Телефон: (8452)610223. Электронная почта: anton.smolkin@gmail.com

культурой объемах. Подобные поведенческие реакции (точнее, отсутствие изначально предполагаемых реакций) особенно интересны, так как позволяют увидеть межпоколенческие отношения в повседневности крупного российского города с позиций человека — носителя такой модели отношения к пожилым людям, на которую нередко ссылаются как на образец. Опыт социальной адаптации (им)мигрантов позволяет высветить набор специфических особенностей российской действительности, кажущихся естественными — а потому незаметных для аборигенов, и ответственных за торможение перехода «хорошего отношения» в «уважительные действия».

Как и почему меняется модель отношений к пожилым людям у представителей культур, традиционно характеризующихся почтительным отношением к старости, в условиях крупного российского города? Что блокирует уважительные действия, или сама установка на уважение оказывается деформированной?

Методические замечания

Сбор и анализ материала¹ проводился по методике «двойной рефлексивности», с помощью неструктурированного неформализованного интервью. Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования и качественно-количественного интерфейса со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание, глубокие интервью, а также коллективная интеллектуальная поддержка в режиме «длинного стола» (подробнее о методике см.: [17, с. 317–344]).

Из общего количества проведенных по геронтологическим сюжетам интервью (N=64) по теме данной статьи было отобрано 23 (май 2007 – декабрь 2008 г.; длительность интервью: 10–56 мин., в среднем по 23 минуты; в качестве респондентов выступали студенты 3–5 курсов (19–31 год; 17 юношей /5 девушек) различных факультетов Саратовского государственного технического университета очной и заочной формы обучения). Выбор круга респондентов был обусловлен не только лёгкой достижимостью и относительно безболезненным входением в поле, что существенно снизило вероятность неискренности интервьюируемых, но и специфическими характеристиками студентов, приехавших на обучение в крупный российский город из села или районного центра (13 респондентов), или инокультурной среды

¹ Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить руководителя школы-студии глубинного интервью при каф. социологии СГТУ к. филос. н. И.Е. Штейнберга и коллег по семинару — к. социол. н. Т.В. Темаева, аспирантов А.С. Лобецкого и С.В. Филиппову за помощь в обсуждении полученных результатов. Также я благодарю за советы и комментарии д. филос. н. Ю.Л. Качанова.

(7 респондентов): во-первых, особый интерес представляет их мультикультурный опыт, тем более ценный, что он обычно сформирован как поочерёдное пребывание в родном/городском пространстве (учёба/каникулы), а потому нередко оказывался уже структурирован через сравнения; во-вторых, именно в этом возрасте завершается процесс складывания личности, доусваивания ценностей (в нашем случае параллельно с ресоциализацией городом) — следовательно, этот период жизни особенно чувствителен к влияниям и может быть использован в качестве индикатора с большим успехом, чем представители других социально-возрастных групп; наконец, в-третьих, студенческий образ жизни, как правило, отличается большой вариативностью в выборе досуга и значительным ресурсом свободного времени, что обуславливает более разнообразный, чем в среднем, опыт наблюдения социальной жизни.

Интервью проводились в здании университета, в спокойной обстановке, как правило, без участия третьих лиц. Все используемые интервью можно считать удавшимися, каждый респондент в той или иной степени расширял горизонт понимания проблемы, переполнения некоторых кодировочных категорий² так и не произошло.

Беседы были записаны на цифровой диктофон; при транскрипции я старался сохранять эффект живой речи и специфику словоупотребления респондентов. Как мне кажется, в большинстве интервью в целом удавалось вывести беседу за рамки отношений «преподаватель – студент».

По всей видимости, в стрессовых условиях крупного города респонденты-мигранты были склонны идеализировать свой догородской жизненный уклад, что можно считать главной претензией к достоверности собранных данных. Также были использованы материалы включённого наблюдения за поведением пассажиров в общественном транспорте. Регулярный дневник наблюдений не вёлся, отдельные заметки послужили основой аналитических рассуждений и гипотез.

Магия социальной сопричастности: сельская/традиционная модель отношения к пожилым людям

Следующему ниже тексту следует предпослать важную оговорку — избыточная пасторальность описываемых картин сельской/кавказской жизни может пониматься как следствие уже отмеченной вероятной склонности респондентов идеализировать родную/привычную им социальную среду, в результате чего описываются скорее не регулярные/обязательные практики, а представления/воспоминания о нормах, иллюстрируемые примерами их наблюдения.

² Под переполнением кодировочных категорий мы понимаем ситуацию, когда наблюдается устойчивая повторяемость высказываемых респондентами мнений, новых суждений по интересующему сюжету не появляется.

Описываемую модель справедливо называть традиционной, так как она, видимо, характерна для всех обществ с преобладанием в горизонте потенциальной коммуникации членов отсроченных первичных групп, в результате чего отношения между людьми здесь оказываются «теплее», «душевнее» по умолчанию, ещё до начала коммуникативного акта. Характерно, что респонденты — носители этой традиции, описывая городскую социальную среду, отмечают не столько невнимание именно к представителям третьего возраста, сколько общее безразличие людей друг к другу:

<...> у нас люди добрее. Даже если здесь проехать в транспорте, все равно... какое-то негативное такое сразу... каждый о себе, каждый... своими мыслями. Спросишь что-нибудь, тебе ещё и не ответят, ещё и пошлют. И такое бывает (интервью № 14).

[У нас]³ город меньше, там как-то люди держатся вместе. Отношение совсем другое, добрее люди. Я приехал в большой город, сразу как-то замечаю эти вещи. Здесь какие-то... можно даже сказать... не все, конечно, есть как-то... озлобленные, что ли... вот я [только] приехал, сразу бросается в глаза (интервью № 16).

Случайные контакты с незнакомыми людьми в крупном городе не содержат никаких конкретных экспектаций, кроме стереотипных, а потому потенциально предконтактные ситуации механистичны и обезличены:

...там лица радостнее, приезжаю я там, меня встречают с улыбкой даже люди, не родные, а просто знакомые там. А здесь, как правило, вот именно, все идет в городе, о своем думают, ни улыбки, ничего на лице нету (интервью № 7).

Село же, напротив, — место, где человек практически не остаётся без помощи и участия в тяжёлой жизненной ситуации; обычно помощь распределяется неравномерно, сообразно контексту событий, так как *«там знают, кто лежит пьяный каждый день, а кто лежит не просто так»*, но, как правило, оказывается даже тем, кто, казалось бы, заслуживает такой помощи менее других.

У нас всех знаешь. Вот даже взять такую ситуацию — взаимопомощь. Вот взять ситуацию — алкаш. Алкаш в городе и алкаш у нас. В городе он упал зимой пьяный в дупель — его никто не поднимет, не подойдет, он умрет. У нас всё равно, у нас даже ночью на него кто-нибудь напорется, наткнется, его поднимут и отведут домой, сам в такой ситуации был: зимой, ещё в школе когда учился, дедушка, он уже старый, он уже к тому моменту три года не просыхал. Вот, и я как раз иду со школы, смотрю, он лежит. А снег, зима, снегу ну не то что по колено, сантиметров 30–40

³ Здесь и далее в (круглых скобках) даны авторские ремарки, в [квадратных] — записанное неразборчиво или восстановленное по смыслу.

слой снега есть. Он на снегу лежит. А я отпросился с урока, мне надо было что-то там дома взять по-быстрому. Я бегу [обратно], вижу, все равно он лежит, я думаю «что же делать-то?». А там тётки шли, они в садике у нас работают. Я говорю «вон он лежит, давайте ему помогать». ...В ту зиму или в следующую что ли — опять точно так же — ситуация такая — иду в магазин, зима, уже ближе к вечеру, а он лежит там недалеко. Орёт, кричит, «беги сюда», я так подумал, сначала крикнул ему: «некогда», а он все равно кричит, назойливый, я пошёл, купил в магазине что хотел, подхожу к нему, «что такое?». А он «давай, дотащи меня до дома». Ну я его на плечо закинул, он как в шею мне вцепился, хоп, тащил-тащил, чувствую, уже рука... а, я даже... не он меня схватил, а я его под руку взял, тащу, чувствую, у меня уже рука устает, переложил его на другую, довел его точно так же до дома, и всё (интервью № 19).

Примечательно, что в обоих описанных респондентом эпизодах он не стремится оказывать помощь — но всё же в итоге не находит возможным пройти мимо в первом случае и уклониться от выполнения просьбы во втором. В большинстве ситуаций «*помогать-то никто не рвётся; но если попросили, то пойдут, помогут*». Готовность к взаимопомощи здесь, таким образом — скорее не индивидуальная характеристика, а социально необходимый рефлекс, норма с высоким уровнем обязательности. Некоторые респонденты говорили не столько о желании проявлять уважение к конкретному человеку, сколько о заложенном в них воспитании, о том, что «так принято». Даже сам язык просьбы спивающегося старика не просительный, а скорее указующий — и у человека, выросшего на его глазах, это не вызывает явного отторжения или недовольства (в данном случае, думается, это предположение справедливо независимо от точности передачи речи — респондент дважды дал понять тональность обращения, казалось бы, не слишком вежливую), поскольку просьба эта *нормативна*, вписана в действующий институт.

Эффективность взаимопомощи такого рода целиком покоится на прозрачности интеракций внутри (отсроченных) первичных групп, что позволяет считать сравнение сельских/кавказских реалий с городскими непродуктивным — очевидно, что правила внутрисемейного взаимодействия благоприятнее, чем нормы отношений с друзьями, а последние отличаются в лучшую сторону от режима общения с соседями, и т. д. Жители села, видимо, в подобной иерархии занимают относительно друг друга место где-то между соседями и знакомыми, а то и вовсе являются родственниками.

Ещё одна важная особенность взаимодействия в сельском обществе — синкретизм коммуникации, когда ситуативные, межличностные, статусные аспекты контакта накладываются друг на друга, сливаясь в единый коммуникативный акт. Здесь невозможно воспринимать инвалида просто как инвалида, сообразно соответствующим стереотипам — он переполнен другими известными наблюдателю характеристиками, *вочеловечен*.

У нас мало таких людей, беспомощных, которые живут там [на помойке]. У нас просто таких там не встречается. Хотя бы что-то где-то... Даже вот был там у нас такой мужик, жил, семья у него разрушилась, заболел чем-то, с головой что-то. Даже... такой частный дом [у него], всё вокруг разрушено... И вот к нему даже школьники просто прибежали, они там у него приберутся, чем-нибудь ему... с ним посидят, в карты поиграют... уделяли какое-то внимание, и хоть чем-то помогут (*интервью № 17*).

Помощь растворена в неформализованных актах общения, и обычно её конкретные проявления являются лишь фрагментом в сложной цепи/системе *взаимопомощи* и *взаимодействий*, которыми опутан весь сельский социум.

Помощь здесь редко оказывается безвозмездной, это специфическая форма кредита, возврат которого в случае с пожилыми людьми будет сделан, скорее всего, в других ресурсах — например, надзоре за детьми/хозяйством в ваше отсутствие, нетрудоёмкой помощи в быту, денежных займах (как известно, пенсия — один из самых стабильных/регулярных источников денег на селе), наконец, возврат возможен в отсроченных (благодарность в самых различных её видах со стороны родственников адресата помощи) или морально-статусных формах (определённый бонус к репутации «хорошего соседа» и т. п.). Ответная благодарность может даже изначально не подразумеваться в ближайшем будущем, а ожидаться в качестве помощи (через знакомства и родственные связи адресата поддержки) в обучении/поступлении в школу/вуз детей, то есть может быть рассчитана на весьма отдалённые перспективы.

«Это самое главное у человека — уважение к взрослому»: почтительность как производная кавказской/восточной социально-возрастной иерархии⁴

Сюжет о кавказском стандарте уважения к пожилым людям требует предуведомления справкой о местной социокультурной специфике и традициях. Естественная изоляция этого региона и этническая замкнутость населения обусловили эффективность фильтрации инокультурных влияний, позволив сохранить многое из своего культурного наследия даже в условиях СССР. Образ жизни, близкий к традиционному и

⁴ Описываемая ниже кавказская/восточная модель отношения к пожилым людям, безусловно, носит идеализированный (см. начало раздела «Магия социальной сопричастности») и усреднённый характер (очевидно, что отношение к пожилым в горных аулах ближе к идеальному типу, чем отношение в крупных городах, претерпевающее, по-видимому, всё ускоряющиеся изменения), однако, насколько можно судить по литературе и сообщениям респондентов, в своих ключевых принципах она всё ещё остаётся функциональной.

сегодня, — относительно высокий процент сельского населения (в постсоветский период доля сельского населения в большинстве республик даже немного выросла [6, с. 227]), господство натуральных/мелкотоварных форм аграрного хозяйствования, экстенсивная занятость, низкая социальная и пространственная мобильность, высокая этническая однородность — позволил сохранить многие местные обычаи, чему в известном смысле способствуют и характерные для региона в последние годы процессы культурной реставрации — сепаратистские тенденции, возвращение в систему образования национальных языков и т.д. [О современных тенденциях подробнее см. например: 15, с. 167–184]. Эти коллективистские общества с особой ролью этнически сформулированной мы-идентичности за годы советской власти утратили многие национальные черты материальной культуры (сегодня дома, одежда, даже питание здесь мало чем отличаются от российских), и тем важнее для самоорганизации/самопрезентации этноса оказывается коммуникативное пространство, с характерными для него высокой ролью взаимопомощи-как-взаимозависимости (отказ от принятия которой может восприниматься как «болезненное [курсив мой. — А.С.] желание освободиться от власти других над собой» [3, с. 41]) и значительной степенью ритуализированности поведения, с его тщательной детализацией, отчего требуется не просто знание этикета, а умение исполнить его «с особым изяществом» [3, с. 17]; в результате, например, в адыгской традиции говорят об «искусстве находиться среди людей», «искусстве войти в контакт и выйти из него» и т. п. Если европейские представления о нижней границе нравственного действия могут ограничиваться непричинением зла другому, то кавказские нормы более требовательны, предписывая помогать другим не только по их просьбе, но и по собственной инициативе [3, с. 31, 34].

Особую роль здесь играло понятие чести — «потеря лица» оборачивалась социальной катастрофой, индивид оказывался без поддержки друзей, брачных перспектив, предавался остракизму вплоть до изгнания, и восстановление чести требовало долгих и мучительных усилий, если вообще было возможно. Показательно, что посягательство на честь семейства считалось более возмутительным преступлением, чем убийство родственника, и без компенсирующего убийства почти никогда не оканчивалось примирением [16, с. 388].

Почитание старших в формах, заметно превосходящих пределы простой вежливости, — важная составляющая обычного права, общая для всех кавказских народов. Иерархические отношения, привязанные к естественной характеристике — возрасту, способствуют оптимальному воспроизведению традиционных порядков и в известном смысле снижают социальную напряжённость, воплощая в себе принцип «отсроченного равенства».

В семье старший мужчина был хозяином почти всего имущества её членов, ключевым авторитетом, без участия которого не решался практически ни один существенный вопрос. Дети находились под его полной властью; независимо от их возраста им вменялись в обязанность беспрекословное подчинение и почтительность — так, нельзя было даже заговаривать первыми и сидеть в его присутствии (а невестка должна вставать/приподниматься при имени свекра и даже увидев его в окно (!) [4, с. 16]). В случае развода дети обычно оставались с отцом. Даже если состояние здоровья не позволяло главе семьи вести активную социальную жизнь, его держали в курсе всех дел. Мы можем обнаружить здесь много параллелей с древнеримским *pater* (см. например: [12, с. 260]). Очерёдность вступления в брак также определялась порядком старшинства — например, осуждался выход младшей дочери раньше старшей, так как это унижало последнюю; родители могли проклясть нарушительницу, отказаться от регистрации её брака [16, с. 206]. Следует оговориться, что в ряде случаев старшинство могло подразумевать не только возраст, но и некоторые другие признаки — например, [жизненный] опыт и авторитет [4, с. 17].

Почтительное отношение к пожилым людям выходит далеко за пределы семьи. Запрещено прерывать речь старшего (при необходимости вмешаться в разговор извиняются в самых изысканных выражениях), говорить ему, что он виноват или неправ, тем более уличать его во лжи; просьбы следует выполнять беспрекословно, если это невозможно, отказ в просьбе необходимо сопроводить извинениями, убедительными аргументами, при этом самого пожилого неприлично обременять какими-либо поручениями, следует использовать менее обязывающие выражения. Невежливо даже просто сказать «здравствуйте», для этого существуют специальные вежливо-почтительные формы (например, «старцем счастливым будь»). Пожилого человека следует приветствовать вставанием, нельзя занимать отведённое старшим почётное место, неприлично окликать старшего, следует догнать его и почтительно обратиться, не полагается пересекать ему дорогу. Проявлением изысканной вежливости считалось встать, когда уважаемый старший пьет воду или если в разговоре называют имя почтенного старца или предка. Перед старшими нельзя стоять/сидеть в расслабленной позе, скрестив руки или засунув их в карманы, категорически запрещается курить [11, с. 164; 3, с. 47; 4, с. 15–16] — иными словами, всякие намёки на собственную автономность из поведения должны быть исключены. Следует отметить, что многие из этих обычаев имеются и в русской традиции, по крайней мере в качестве рекомендаций, но уже практически выпали из повседневной практики. Человек, непочтительно обратившийся к старшим, мог быть сурово наказан, вплоть до ostracism [4, с. 14], причём следует

отдельно подчеркнуть, что в своём выборе поведения субъект не был автономен — согласно традиционным представлениям, он рискует не только своей репутацией, но и репутацией предков, родственников, знакомых, друзей, тех, у кого он бывает или даже может быть в гостях [18, с. 297].

Многие из этих правил сегодня уже не соблюдаются в их классической строгости, но могут служить ориентиром идеального поведения для кавказца. Это может реализовываться как дополнительный ресурс уважения — желая подчеркнуть своё происхождение/причастность к соответствующей кавказской культуре, человек будет (демонстративно) вести себя согласно традициям.

Вообще современная кавказская модель, при всей её внешней близости описанным выше отечественным сельским стандартам, оказывается принципиально другой: здесь респонденты говорят об уважении к старшему не как о специфической форме моральной или практической благотворительности («уважение как помощь/внимание к слабому»), а как о признании его высокого авторитета («уважение к мудрости/статусу»), хотя самостоятельно эту разницу, кажется, не фиксируют.

<...> традиции обязывают с уважением относиться к старшим. Там прямо... сильно. <...> Сильно проявляется уважение, если старший — это уже авторитет, не послушаться старшего... крайне нежелательно. Как более мудрые люди <...> у них с этим строго (*интервью № 20*).

И.: А в Азербайджане по-другому?

Р.: Понимаете, это мусульманская страна. Там культура совершенно другая, воспитание с детства даётся совершенно другое. Там если человек тебя на 2-3 года старше, ты его должен уже не просто как друг, ты его должен уже уважать, он как дядя для тебя. Не говорю уже о разнице в возрасте в 30 лет, 40 лет (*интервью № 1*).

[В Ингушетии] мнение [пожилых] самое главное. Молодежь прислушивается к ихнему мнению. Потом, смотрят за ними. Как-то помогают. То же самое в транспорте. Зайдет пожилой человек, они... здесь, допустим, в Саратове, замечаешь, что не так относятся. Зашел, допустим, старик какой-нибудь, они не встают. Даже если в аудиторию заходят, у нас принято старшего пропускать, даже если он не старый, а старше тебя. И когда зашел преподаватель, то мы встаем обычно. [А здесь] ничего, никакого уважения не заметно (*интервью № 3*).

Уважение здесь подкрепляется эмоциями, уже практически неизвестными современному российскому селу, — например, порождаемым высоким авторитетом пожилого человека полуиррациональным чувством страха.

И.: А вот у вас знакомый из Армении [как относится?]

Р.: [У них значительно уважительнее] относятся, с какой-то опаской. Есть и уважение, и ещё чуть-чуть какой-то опаски... Это из ихних там обычаев, это ихняя черта.

И.: Это похоже на то, как в АлГае [Александров Гай. — А.С.] относятся?

Р.: АлГай — у нас есть лишь только уважение, а там уважение, к которому приплюсовывается такой... страх (*интервью № 5а*).

[В Азербайджане] отец, он читится так, что ... вот отцу 60 лет, он старичок, а сыну 40, сильный мужчина, но... так бояться, что... не знаю, с чем это связано... другие повадки у молодежи (*интервью № 1*).

Следует оговориться, что не так давно — 1–2 поколения назад — и в российской провинции (местами) действовала модель внутрисемейных отношений, где все указания старшего в семье выполняются обязательно и без задержек, а авторитет был непререкаем; впрочем, читая приведённый ниже фрагмент интервью, не стоит забывать и о дидактической роли подобных историй, рассказываемых старшими.

Р.: Исходя из того, что мне рассказывал мой отец, что у них считалось как... допустим, их отец, это как бы считалось уже все, как идол, что ли, шёл. Если он что-нибудь заставил сделать, это уже все, прямо надо уже 100% что попросил он...

И.: Большой авторитет, то есть?

Р.: Да! А у нас сейчас уже считается так, ну, отец сказал сделать то-то — «ну, потом», то есть это все так тянется, тянется. И когда все так затягивается, у нас уже не так как бы к ним отношение, как было у поколения чуть старше, чем я... ну, даже как мой отец... (*интервью № 5*).

Сферы влияния старших на Кавказе весьма широки, и такая ситуация понимается как естественная и справедливая. Неповиновение и даже несогласие с мнением старшего в семье/роду в большинстве случаев находится настолько вне нормы, что легитимных способов прямо его высказать практически не существует, за исключением наиболее радикальных случаев. Специфический привкус социальных отношений здесь, кажется, нельзя передать лучше, чем это делают сами респонденты.

Р.: Вот даже то, что не надо спрашивать согласие на женитьбу у старших... Мне кажется, наоборот, надо... тебе родители плохого не посоветуют. А у вас, у русских, не принято спрашивать мнение взрослого человека, если ты сам хочешь этого.

И.: А почему у вас хорошо относятся?

Р.: Не знаю, потому что это было испокон веков, потому что традиция такая. У нас до сих пор все вот это вот. Мне кажется, и будет. Это самое главное у человека — уважение к взрослому. Даже если он... <...> слушаю своих одноклассников, как они общаются со своими родителями, это нечто противоположное. Что они там могут что-то сказать им... если они недовольны, ребенок может что-то ответить. А у нас он ничего не может сказать родителям. Если родители тебя ругают, это правильно.

И.: А если они не правы?

Р.: Если они неправы, ты не будешь этого говорить. Ты знаешь, что они не правы, и все. Но ты не будешь с ним ругаться и повышать голос (*интервью № 3*).

И.: А в каких случаях мнение пожилых решающее, без их мнения никак?

Р.: Главный, наверное, вопрос — женитьба, свадьба. ... Нельзя отрицать то, что они говорят.

И.: Советам пожилых надо следовать. Но бывает ли, что отказывают им?

Р.: Бывают отказы.

И.: А в каких вопросах?

Р.: То же самое — свадьба. И потом бывает так, что парень и девушка уже жалеют, что они не послушались. И потом старики говорят: «вот!».

И.: А как вообще на отказы пожилые люди реагируют?

Р.: Да редко отказывают. Даже если отказывают, не говорят... в лицо никто сказать никогда не сможет. <...>

И.: А как выходят из ситуации, когда, с одной стороны, надо слушаться пожилых, а с другой — старик, допустим, впал в маразм?

Р.: <...> чтобы не делать ему больно, скажут, что сделают, но потом сделают по-другому, по-своему. Если он на самом деле больной. Потом же он и не вспомнит. <...>

И.: Но все равно делается вид, что рекомендациям пожилого человека следуют?

Р.: Да, потому что сказать ему прямо в лицо... это будет неправильно.

И.: А если он будет настаивать на каком-то абсурдном требовании?

Р.: [Откажут] ...естественно (*интервью № 3а*).

Согласно традициям, убить при кровной мести пожилого человека считалось позором [16, с. 389–390]. И сегодня на Кавказе даже в условиях локальной межэтнической напряженности в многонациональных городах конфликты и взаимная неприязнь, кажется, не распространяются на отношение к пожилым.

И.: А как вообще [в Моздоке] отношения между людьми? Душевнее?

Р.: Ну, среди старшего поколения — да. Среди молодёжи — нет <...> среди молодёжи... там, так сказать, агрессивный настрой... кто-то не любит одну национальность. Кто-то не любит другую... постоянные ссоры. Идешь по улице, задел кого-то плечом, здесь никто внимания не обратит, там начнутся сразу разборательства.

И.: А к старшим другой национальности?

Р.: Да нет, [все равно уважительно] (*интервью № 20*).

Сама мысль о возможных преступлениях/насилии над пожилыми людьми вводит в состояние культурного шока и отрицается:

И.: А бывают ли преступления относительно пожилых людей?

Р.: Я не слышала. Нет. Не бывает такого. Нет. Даже подумать страшно (*интервью № 3*).

Аналогично и ситуация с попаданием пожилых в дом престарелых представляется почти невозможной, интонации респондентов — представителей восточных культур здесь выражают смущение, это

неловкая ситуация для сообщества в целом и угроза потери лица для близких родственников.

Р.: У нас просто... младший сын остается с родителями. Именно младший. Я если... сыновей нет, все дочери, то дочь остается. Никто [не сдает] в дом престарелых [бабушку с дедушкой].

И.: А у вас они есть?

Р.: У нас есть, но один. В Назрани.

И.: А кто же там?

Р.: У кого дети умерли. Которые остались одни. Но это редко бывает. Бывает так, что племянница [берет на содержание]. <...> Когда он открывался, совсем недавно, показывали по местному телевидению, что открылся первый дом престарелых в Ингушетии. Раньше не было необходимости (*интервью № 3а*).

Во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы на Кавказе (возможно, в известной степени это справедливо и для сёл/малых городов) является её функция конструирования самоидентичности – подтверждение своей социальной полезности, максимально полный способ почувствовать себя одобряемой другими важной частью целого⁵. «Это самое главное у человека, уважение к взрослому»; то есть уважение здесь — качество, без которого человек немислим, только так он становится полноценным социальным существом, инкорпорированным в сообщество. Исполнение нормы приносит удовольствие особого рода — удовольствие (от) сопричастности, с её помощью происходит нащупывание и обретение чувства «мы».

Р.: В магазинах, мне кажется, что если стоит старик сзади тебя, и очередь большая, то можно уступить ему. Я уступаю. И мне сразу: «ой, спасибо, девушка». Мне прямо самой приятно. Или «дочка» называют. Как-то сразу так приятно становится...

И.: Есть эффект, что вы прямо как на Кавказе?

Р.: Да (*смеется*). Иногда кажется, что я прямо уже дома нахожусь (*интервью № 3*).

И.: [А что вы чувствуете, когда благодарят за то, что вы уступили место?]

Р.: Не то чтобы я просто выполнила долг... ей было приятно, бабушке, и мне стало приятно. Она меня еще «дочкой» назвала, так стало... было приятно.

И.: Это нельзя сравнить с чувством, когда помогаешь однокурснику, и он благодарит?

Р.: Нет (*уверенно*). Разница, да... Это, наверное, даже больше будет подходить к матери, когда тебя мать будет хвалить (*интервью № 3а*).

Важно отметить и зеркальный характер уважения, работающий по принципу взаимоусиления, когда «правильная реакция» — то есть

⁵ В той же логике анализируют это и кавказские авторы, говоря о «сознании исполненного долга», «душевном равновесии и спокойствии», «самоуважении и уверенности в будущем» [см. например: 3, с. 32].

взаимное уважение и благодарность в форме «признания» младшего «достойным» — подкрепляет правильность совершённого действия, принося удовольствие и побуждая поступать так же и в дальнейшем. Согласно Б.Х. Бгажнокову, смысл проявления уважения в числе прочего и в том, чтобы продемонстрировать, насколько ты уважаешь собственное «я» [3, с. 50]. По всей видимости, для культур/сообществ с высоким значением личной чести/авторитета для социального статуса такие «цепные реакции уважения» чрезвычайно важны.

«Этот человек в глазах у них померкнет»: социальные механизмы контроля за уважением

Так как сёла и даже небольшие города в своей основе — повторы, по сути большие (отсроченные) первичные группы, каждый потенциальный участник коммуникации здесь если и не знаком тебе непосредственно, то является другом или даже родственником кого-то из твоих друзей, о чём, как правило, заранее известно или легко предсказывается; проявлять в таких условиях неуважение немислимо. Здороваться при встрече даже с незнакомыми людьми в деревне — обязательная норма вежливости.

Я, допустим, сам оставался у бабушки дома. К ней с уважением относился и я, и те, кто жил и знал ее, они и обучались, и... «как, что у вас?». А здесь когда я стал жить, ясное дело, что не так близко... где жил я, там все знают, кто есть кто... она знает их отца, их мать, и уже больше идет уважения с ихней... к старшим. Но это опять просто все знают друг друга, вот, наверное, из-за этого. А здесь, почему я [считаю], что уважения нет, идет какая-нибудь бабушка, идет и идет, к ней нет никакого там дела, в том плане, что в автобусе она стоя едет или как-нибудь еще. А там у нас, допустим, идет кто-нибудь из старых, и все знают, что это дед знакомого или еще кого...опять же, общаться начнут, спрашивать, как там ваш внук, то есть вот это вот все, но это просто из-за того, что все знают, кто... опять же, воспитание даже чуть-чуть в этом плане сделано чуть-чуть повыше, чем у нас тут в городе (*интервью № 5*).

Там, во-первых, знают все друг друга. Естественно если бабушка какая-нибудь идет с сумками, ты с ней здороваешься и не можешь мимо пройти, ты ей говоришь: «давайте помогу, донесу» (*интервью № 21*).

И.: У вас в селе лучше отношение к пожилым людям?

Р.: Да, ну вроде все как... присматриваются друг к другу, знают друг друга.

И.: У нас хуже?

Р.: (*уверенно*) У вас хуже, да (*смеется*). Потому что и родители знают, во-первых, этих людей, ты знаешь этих людей, детей их. Мне кажется, в маленьком... как в банке тараканы, наверное, все друг друга знают... Не просто знают, может, всё про тебя знают. Ну, мне кажется, у нас проще с пожилыми людьми (*интервью № 15*).

В результате объект потенциального взаимодействия практически всегда находится в пределах круга контроля со стороны значимых других твоей собственной группы — социальной анонимности здесь не существует, всякое совершённое действие становится известным и приводит к соответствующим ответам/реакциям. Репутационные риски в случае уклонения от проявления уважения/оказания помощи чрезвычайно высоки, в отличие от коммуникации в городе, где «сохранение лица» перестаёт быть первоочередной задачей.

В селе же другая совсем обстановка. Там каждый друг друга знает. Кто чей сын, кто чья дочь... То есть если как-то ты повел себя, то уже, считай, будут знать твои родители, ну и так далее... уже к тебе самому будут относиться с недоверием таким... Все равно в деревне как-то отношения крепче. Здесь же город, каждый сам за себя. Деревня все-таки подразумевает, [что] там чуть ли не все родственники (*интервью № 18*).

Р.: В Алгае когда я жил, было очень... такого, чтобы кто-то кричал матом, когда кто-то был старший, это считалось прям вообще край. Хотя ты этого старшего знаешь или нет, это считалось «ты че, вообще что ли, ну, это не знаю кто». Как бы... чуть-чуть стыдно за то, что ты такое сделал... а у нас здесь на это все... ну что он, стоит, бла-бла-бла матом. То есть как бы не обращается внимания на то, что кто-то услышит, тебе станет стыдно — вот тут вот вообще этого нет. А там было чуть стыдно даже... и старшие могли остановить тебя, «да ты чё?», «ну-ка давай иди отсюда!». А здесь хоть кто-то попытается такое сделать? [Ещё и скажут]: «Да ты, там, старуха...» Здесь такая безнаказанность, ничего им за это не станет, если он обидит старую бабушку, а там было чуть опасно — а вдруг если она отца знает? То есть вот из-за этого было чуть-чуть, ты ощущал... не то чтоб страх, нет — то, что за это есть какая-то ответственность.

И.: Могут быть последствия?

Р.: Да. А тут так — «да кто она такая, старуха, ничего она не шпарит...» (*интервью № 5*).

Приведённый выше фрагмент вызывает воспоминания о собственных детских страхах в ситуации непослушания, открывая нам пространство с более плотной социальностью, где в каждом коммуникативном действии есть внятный социальный смысл и неизбежность ответа со стороны семьи/рода и даже группы в целом, что побуждает к самоконтролю. На Кавказе вежливость и предупредительное уважение — ещё и важная составляющая (главным образом мужского) этоса, обязательное условие складывания себя в статусную фигуру через соответствие поведенческим образцам, единственный способ самому быть уважаемым человеком.

И.: А как люди на это реагируют [если не уступить место в Дагестане]?

Р.: Ну, я думаю, они будут возмущаться. Думаю, они создадут такую обстановку, что этому человеку будет неудобно там находиться. Если он, конечно, не полностью такой безразличный человек... (*интервью № 8*).

И.: А как относятся к ослушанию?

Р.: Этот человек в глазах у них померкнет. Он не уважает своего отца, значит, он не уважает нас. Он будет считаться низким человеком (*интервью № 1*).

Показательно, что [в публичной сфере] эта ответственность располагается не столько между младшим и старшим, сколько между индивидом и группой, которая оделяет пожилого человека привилегиями, и сама следит за соблюдением соответствующих норм поведения (вообще принуждение к норме через замечания или иные формы публичного контроля в кавказских культурах считается естественным [15, с. 182]); на не входящих в группу эти нормы распространяются, кажется, в меньшей степени.

И.: Допустим, сидит молодой человек в автобусе, заходит пожилой человек, а места ему не уступают. Что произойдет? Какие санкции?

Р.: Ему [другие] скажут. Сам старик — маловероятно [что что-то скажет], если видит, что человек не хочет. Он будет стоять. Вот если даже в маршрутке... Там не уступишь же место... А тут пододвинуться надо.

И.: А если я приеду в Ингушетию и не уступлю? Моему поведению не возмутятся?

Р.: Наверное, нет (*интервью № 3а*).

Но при этом возможности группы в большинстве случаев ограничены моральным давлением, неуважение к старшим понимается как проблема семьи, вследствие неэффективности своих педагогических практик не сумевшей «собрать» человека из исходного материала. Поскольку субъект в публичном пространстве представляет всю семью/род, то и инструменты контроля за его поведением — в руках родственников.

И.: А если в некоей ингушской семье молодой человек регулярно не слушается старших? Какие санкции последуют? Побьют?

Р.: [Молодого побьют родственники]. А если он уже старше, то его старшие не будут уважать. Они же тоже уважают молодых. Не будут его уважать.

И.: Соседи могут поставить его на место?

Р.: Нет, соседи не будут. Родственники.

И.: Внутрисемейное дело то есть?

Р.: Да. Если он плохо воспитан, это ошибка родителей (*интервью № 3а*).

К молодому нарушителю ещё могут быть применены воспитательные меры, к более старшему — уже моральные санкции в виде отказа в уважении. Остаться же без уважения в таком (со)обществе — это как остаться нищим, с полностью истощёнными социальными капиталами.

Причины изменения поведенческих моделей (им)мигрантов

Городские режимы коммуникации vs. сельская модель взаимодействия

Отмеченное выше отсутствие внятных экспектаций от случайного общения в городских условиях имеет ещё одно важное следствие: способы социального бытия в крупном городе не предполагают коммуникации с незнакомыми людьми без достаточных причин, и неопределённость границ повода к общению снижает вероятность контактов. В таких неудачных стартовых условиях для коммуникативных действий обычно не хватает стимулов в виде «предконтактных ответов» — улыбок или иных форм демонстрации предрасположенности.

Р.: Если ты в городе подойдешь к какому-нибудь человеку, начнешь говорить, это же как-то необычно. Тебя могут и за сумасшедшего принять. То есть со стороны это выглядит вообще... как из ряда вон выходящее.

И.: Неправильное?

Р.: [Ну] как «неправильное», можно же заговорить по делу, а можно... Вот ты же не подойдешь без дела, заговорить «как у тебя дела?» в трамвае — смешная ситуация такая, комичная. <...> Если пожилые тянут руку, мы не всегда готовы принять их общение. Мы сначала в штыки воспринимаем любую попытку общения. Когда к тебе, неважно какой, пожилой, молодой человек обращается, ты сразу такой с опаской — а чего это он именно ко мне? (*интервью № 18*).

Невнятность ситуации, из которой никак не получается чётко прочесть требуемый сценарий действий, приводит к первичному («по умолчанию») отторжению коммуникативных усилий другого.

Тем не менее, привычка к уважительным действиям по отношению к пожилым (практически) никогда не теряется у приезжих сразу, несмотря на благоприятствующую этому среду. Дело в том, что в городе большая часть существующих способов легитимного уклонения от уважительных действий реализуется через усваиваемые с детства коммуникативные «правила нарушения правил» — например, чтобы не уступать место в транспорте, пассажиры смотрят в окно, говорят по телефону, читают, имитируют сон, недомогание и даже алкогольное опьянение, стараются сесть так, чтобы рядом сидел кто-то более склонный к уважению, и т. д. Это даёт основания не уступать место в большинстве случаев, если только игра в избегание исполнения правил не прерывается, например, прямой просьбой/жалобой пожилого человека. Мигранты, прибывшие из небольших населённых пунктов, не владеют подобной техникой уклонения от исполнения норм — исследователи обычно аттестуют их как поведенчески более открытых и естественных [10, с. 83], — а потому усваивают её в той или иной степени лишь значительно позже.

Незаметность изменений

Хотя содержательно поведение мигрантов может быть по городским меркам достаточно уважительным, они сами оценивают его сдержанно — в регулярно проводимых мною тестах приезжие нередко ставят себе более низкую оценку за тот же или даже более высокий уровень уважительных действий, чем коренные горожане. Следовательно, представления о норме/идеале у мигрантов остаются если не прежними, то, по крайней мере, более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходятся именно на поведение.

Изменения в поведенческих практиках происходят почти незаметно, сами респонденты их обычно не фиксируют, если не попросить сфокусироваться в воспоминаниях именно на этом. Значительная часть опрошенных посчитала, что изменений в их поведении не произошло, но показательно, что дрейф поведенческой модели замечали в себе респонденты, в большей степени склонные к самонаблюдению, чем остальные. Иногда то, что модель изменилась, обнаруживается почти случайно:

Допустим, деревня, она всегда предусматривает... дело было так даже — приехал однажды домой, когда учился, и с пожилым человеком просто не поздоровался, ну потому что я не знал его в лицо. То вот на следующий день выговор маме сделал этот человек, ну и самому как-то стало уже неудобно — как это так, даже вот если приезжаю, не знаю... этого человека, все равно, поздороваться (*интервью № 7*).

По всей видимости, модель поведения по отношению к пожилым людям может меняться в незначительной степени или даже не меняться вообще у тех мигрантов, которые по переезду в город самоизолируются в родственной культурной среде (например, приехавшие на обучение девушки с Кавказа, живущие у родственников, — идеальным случаем здесь является респондентка в интервью № 3/3а) или попадают в удачный круг знакомств, а также у (кратко)временных мигрантов — то есть у тех, кто не имеет необходимости/стимулов для тотальной интеграции в городскую среду и не стремится разделить с другими жителями города их социальность (учащиеся⁶, сезонные рабочие и т. д.).

Утрата контроля со стороны группы

Оторванные от семьи/сообщества люди, оказавшись вне привычных форм контроля, могут в некотором смысле оказаться даже менее последовательными в реализации своих уважительных установок,

⁶ Например, приезжим студентам (в силу возраста, «тепличных» вузовских условий или временности пребывания в чужой социальной среде) социокультурных травм, как правило, удаётся избежать, и адаптация проходит относительно безболезненно [8, с. 198; 5, с. 58].

чем городские жители: если в сельской среде практически все твои действия постоянно корректирует группа, прямым или косвенным образом, то в городе подобное невозможно. Эту функцию группы здесь должен выполнять самоконтроль, для которого в городе катастрофически не хватает внешних стимулов, и бедная позитивными примерами среда способствует вымыванию уважительного поведения:

Р.: Я уступаю место, но не так прямо, чтобы 100% встать... но если возможность есть, то да, я, конечно, уступлю место. Именно если что бабушка старенькая, уж прям не ахти какая. Потому что, я так думаю, что за те 5 лет, что я здесь живу, наверное я чуть-чуть испортился в своем воспитании, когда я жил в АлГасе, я был повоспитанней именно в этом плане. Уже меня общество немного испортило. Уже стал как все, можно сказать.

И.: А почему так произошло?

Р.: Ну, ясное дело, влияние тех, кто общается с тобой, то есть ты сам видишь, как к ним отношение ко всем, и ты это начинаешь по чуть-чуть впитывать, атмосферу отношения, ты этому даже чуть-чуть учишься, хотя ясное дело, что ты знаешь, что это не так, что этому учиться не стоит, но это все идет и от этого... не впитывать это отношение очень сложно. <...> Если бы это было в начале жизни в городе, то я думаю, я бы уступал место каждый раз. Вот откуда такое взялось, чуть-чуть наплевательское отношение... хотя проявляется, конечно, не каждый раз, но иногда проскальзывает, вот именно к старым людям. Знаешь, конечно, что этого делать не стоит, но... все-таки... почему-то это делаешь... непонятно, почему и откуда это берется... (интервью № 5).

В мутном водовороте городской жизни человек невидим и анонимен для других — в отличие от социальной прозрачности села, где всякое действие корреспондирует с текущим статусом. Действия в городе в этом смысле пусты и бессмысленны; ценности можно сбросить, как плохие карты, и просто начать заново, сколько угодно меняя круг общения, мировоззренческие установки, жизненные идеалы, выбирая ситуативно более удобные поведенческие модели.

Нестатусные ответы / поведение пожилых в ситуациях контакта

Одной из причин отказа от реализации усвоенных моделей уважения являются несимметричные поведенческие ответы пожилых людей — жителей крупных городов в тех ситуациях, когда субъект делает попытки своё уважение проявить. Такие случаи, как правило, довольно редки (ни один респондент не вспомнил более одного–двух эпизодов), но прекрасно запоминаются (некоторые из приведённых респондентами историй на эту тему произошли несколько лет назад, вплоть до детских воспоминаний) и оказывают эффект настолько сильный, что способны даже в своей единичности изменить траекторию поведения субъекта/наблюдателя. Возможно также, что подобные

истории не просто встраиваются в габитус индивида, но, как и всякое выходящее за пределы ожиданий событие, часто предлагаются друзьям/знакомым в повседневном общении в качестве «забавных случаев из жизни», в результате чего надёжнее удерживаются памятью рассказчика и формируют соответствующие ожидания у адресатов таких рассказов.

Здесь следует сделать важное уточнение: в повседневной практике Кавказа уважение со стороны других в старости есть следствие репутационных накоплений, достойного поведения и образа жизни, на которое не вправе рассчитывать человек, не обладающий набором социально приемлемых качеств, независимо от его возраста. Злоупотребление своей властью, скандальные претензии и упрёки только роняют авторитет, в том числе и семейный [11, с. 163]. Кроме того, пожилой человек обязан самостоятельно заботиться о своей чести, не допуская фамильярности со стороны младших [3, с. 47–48]. Он не вправе допускать в своём присутствии нарушений порядка, должен вмешаться и в деликатной форме пристыдить, поставить нарушителя на место (рекомендуется по возможности делать это без свидетелей [11, с. 162]), сообщить о его поведении старшим членам его семьи, в противном случае его будут осуждать иногда даже в большей степени, чем самого нарушителя [4, с. 21]. Вполне возможно, пожилого человека, не соответствующего образу «правильного старика», сами представители семьи постараются по возможности изолировать от окружающих, свести риск к минимуму необоснованных конфликтов, грозящих роду репутационными издержками. В романе М.-С.А. Плиева «Трудный перевал» есть характерный эпизод о старике, попавшем в тюрьму за то, что он ударил жандарма, слегка дёрнувшего его за бороду, и объяснившего свой поступок следующим образом: «А как бы я мог предстать, оскорблённый, даже перед собственной женой? Ведь моя жена, узнав о том, что я так низко пал — не призвал к ответу обидчика даже за саму мысль притронуться к бороде, пошла бы на любую крайность, в конце концов, *просто отравила бы меня тайком* [курсив мой. — А.С.], лишь бы о моём позоре никто не узнал» [Цит. по: 18, с. 345]. Кавказское отношение к пожилым людям на практике есть в первую очередь уважение к чести и авторитету семьи, олицетворением которого является старик. Именно из этих перспектив следует оценивать отношение к пожилым людям в России в сравнении с Кавказом, что, как мне кажется, редко учитывается.

Теперь вернёмся к рассмотрению несимметричных поведенческих ответов пожилых людей, препятствующих проявлению уважительного отношения к ним. Во-первых, *вежливое отклонение помощи*⁷, вполне уместное и естественное для городских жителей России,

⁷ В данном случае под «помощью» имеется в виду широкий диапазон действий, имеющих целью продемонстрировать уважение.

вызывает у представителей восточных культур недоумение и растерянность, вводя их в ситуацию статусной рассогласованности, когда младший сидит, а старший стоит и отказывается занять положенное ему место.

И.: А здесь ваша модель поведения не поменялась? Или уже иногда не встанете [не уступаете место], задумаетесь?

Р.: Нет. Я встаю... И вот дело в том, что человек, которому я встала, он удивляется (*смеется*): «Зачем вы встали? Нет, садитесь, я постою!» И мне становится странно, почему он мне так говорит, когда он старше меня, и я ему уступаю место. Бывают такие случаи (*интервью № 3*).

Отказ от помощи в данном случае — это отказ самого объекта уважения от того, чтобы быть (слишком) старым, естественная реакция для человека культуры современного западного типа, где старость — скорее стигма, чем статус, требующий уважения.

Во-вторых, более конфликтная ситуация — *отказ от предложения помощи, а также несимметричные ответы на помощь* — понимаются субъектом как признак недоверия / враждебности, оставляя чувство, что он в своих действиях был неточен или вообще напрасно их предпринимал, что он не знает «правил игры».

Исходя из предложенной выше логики «удовольствия от выполнения нормы», это может быть понято и как отказ субъекту в социальности (или её низкая оценка), указание на его неуместность в данном социальном контексте. Кажется, представителями неславянских этносов это переживается острее, становится препятствием для интеграции в местное сообщество, так как отказ может быть понят как связанный с этнической принадлежностью.

Р.: ...Знаете, я никогда тоже с такими бабушками, как здесь, или дедушками, не встречалась. Нет, ну я ничего плохого не могу сказать, но... все-таки уже не то. Чего-то боятся, они чего-то... <...>

И.: И здесь вы встретились с агрессивными старушками?

Р.: Ну не все, я говорю, некоторые есть такие.

И.: Но вот они сбили вас с модели, что всегда нужно помогать?

Р.: Да, не всегда нужно помогать. Не всем.

И.: И у вас были случаи, когда по отношению к вам была агрессия, недоброжелательность?

Р.: Ну, не то что бы... нет. Не то что агрессия, но как-то... «без вашей помощи обойдемся». И мне как-то уже неприятно самой становится. Что я буду? Мне это особо-таки и не надо, я просто хотела помочь... (*интервью № 2*).

Р.: Я тоже хотела помочь старушке, она шла... она была с моего подъезда. Но она сказала, что не стоит, я сама донесу. Тоже так посмотрела, что сразу стало понятно, что она, наверное, подумала, что я хотела что-то плохое сделать.

И.: С неприязнью?

Р.: Да. <...> Иногда думаешь потом из-за этого — стоит ли [вообще предлагать]. Вот после этого случая. Но я продолжаю все равно помогать, если вижу (*интервью № 3*).

И.: А случай, когда бабушка отказалась от Вашей помощи?

Р.: Ну, не обиделась, наверное, но задело – это точно. Потому что... не знаю, может, они считают что сейчас молодежь такая, которая все ворует и ничего... [никаких услуг]... Я предложила, она на меня так посмотрела, нет, говорит. И все, я же ничего, не буду говорить «почему»? Может, потому что она поняла, что я нерусская. Обиды не было, но (*обиженным тоном*) было странно (*интервью № 3а*).

Для России сегодня характерен невысокий уровень толерантности местного населения к мигрантам, в первую очередь к кавказцам [2, с. 42–43, 46; 14, с. 48], и чем крупнее населенный пункт, тем ниже острота проблемы [9, с. 50]. При этом именно пенсионеры — особенно пожилые женщины — являются одной из наименее толерантных к приезжим групп населения [7, с. 67, 77].

В-третьих, радикальным ответом на попытки проявить уважение могут быть *агрессивные формы отказа*, с широким спектром вероятных негативных последствий для самого носителя традиции уважения — от неловкой коммуникативной ситуации до локальных угроз репутации действующего:

Р.: Взять, молодой человек хотел помочь бабушке с тяжелой сумкой, которая сходила с трамвая, например, хотел помочь ей спуститься самой, и сумку донести. Она с криком, что воры, забрала как бы эту сумку и сказала «не надо, я сама». <...>

Р.: Ну, если мы возьмем тему уступить место в транспорте, то некоторые не уступают место, потому что, ну, бывают случаи, когда уступишь место... ни спасибо даже не скажут, это им тоже как бы неприятно... Вот пример с сумкой. Хотел помочь, а его вором обзвали. Кто будет помогать? Да никто не будет помогать после этого! Будут даже бояться помочь, потому что не захочется оказаться...

И.: В неловком положении?

Р.: Да. <...>

Р.: Я, да, с уважением отношусь, но вот, знаете, раньше я помогала, и вот увижу, что кому-нибудь из пожилых [помощь] нужна... также в плане уступить место, это вообще без вопросов. Ну, сейчас-то я тоже уступаю, но вот чтобы помочь с сумкой — нет, потому что я лично на себе это испытала, когда вот так недоброжелательно... Ну есть просто разные же люди просто. Есть бабушки, у которых, может, просто уже возраст сказывается... <...> не все с добротой ответят на твою помощь (*интервью № 2*).

Возможна и обратная ситуация — иногда *требование проявить уважение предъясняется в форме, не совместимой со статусом пожилого человека (в его традиционном понимании)*, которому следует оказывать знаки внимания:

И.: А бывает, что не уступаете [место в транспорте]?

Р.: Да.

И.: А почему, можете рассказать?

Р.: Ну, иногда просто... на принцип, когда заходит человек, ты хочешь как бы уступить место, а кто-то рядом стоит и говорит «встань и уступи место». Просто приказным тоном, я никогда приказной тон не воспринимал, просто из-за этого, в принципе...

И.: Пожилые у нас тут агрессивнее?

Р.: Вот я об этом и... да... приказной тон.

И.: Там нет такого?

Р.: Там знаете как... Там нет такого, чтобы подошёл: «уступи мне место». У нас как бы сами уступают.

И.: Там всё более вежливо?

Р.: Не сказать, что более... Нормально... (интервью № 20)

Наконец, в-четвёртых, *нестатусное поведение в целом* дисквалифицирует пожилого человека как потенциальный объект уважения:

И.: А бывают ситуации, когда Вы не проявляете уважение?

Р.: Вы знаете, бывают. Особенно после того, как понаблюдаешь такие моменты, когда... Зашли, вот опять ситуация, дед со своим внуком, посадили внука, а сами стоят. В таких случаях у меня тоже не возникает желания уступить этому человеку. Раз он решил посадить своего внука, а самому стоять — не знаю, я считаю, что это неправильное воспитание, и поэтому не желаю тоже вставать и уступать этому человеку (интервью № 8).

Ситуация перевернутых ценностей, когда дед уступает место своему внуку, приводит носителя традиционных представлений о возрастных привилегиях к когнитивному диссонансу. Такое поведение маркируется как нестатусное, и отказ от уважительных действий в этом случае — следствие отсутствия, по мнению респондента, соответствующего статусу самоуважения у самого пожилого человека — а следует ли совершать статусные действия к нестатусному объекту? Этот тезис следует понимать максимально широко, так как несоответствие статусу может прочитываться из многих визуальных/поведенческих характеристик пожилого человека.

Значение подобных, повторяю, редких случаев в том, что они *вынуждают усомниться в целесообразности следования норме*. Субъект обнаруживает, что привычная для него норма не носит обязательного характера, предлагаясь к исполнению сообразно ситуации и потенциальному объекту уважения. Никаких непременных репрессивных санкций за неокказание уважения не следует; более того, порой обнаруживается, что даже самих уважительных действий от него не ждали — по крайней мере, в обязательном порядке.

Представления о пожилом человеке раздваиваются, возникает понятие «неправильного пожилого», чьи действия/реакции не соответствуют его возрастному статусу. Это имеет значимые последствия: уважение к пожилым людям в традиционных культурах обычно под-

разумеает определённый «ответ», подкрепляющий «правильные» действия, — институт старшинства не только пользуется уважением, но и сам создаёт/воспроизводит его в чувстве собственного достоинства, адекватных статусу формах самопрезентации, правильных ожиданиях. В описанных же выше примерах пожилые люди в российских городах сами разрушают установку на уважение, а кавказские традиции предписывают проявлять почтительное отношение в первую очередь к тем, кто этого заслуживает и способен это оценить [3, с. 33, 51].

В этих условиях, не получая в ответ на попытки проявить уважение ожидаемой реакции (или даже получая отрицательную реакцию), носитель традиции теряет, начинает рефлексировать по поводу (не)обязательности таких действий, приходя к выводу, что «помогать надо не всегда и не всем». Целостность нормы нарушена оговорками; из разряда самоочевидных — а потому и не нуждающихся в рефлексии — истин, она переводится в группу рекомендаций.

В результате схема действий по реализации уважения усложняется — теперь переход от фиксирования геронтологической ситуации, в которой нормы требуют совершить уважительные действия, к непосредственным действиям, происходит вследствие классификации «тех» и «не тех» гипотетических адресатов уважения. На практике это приводит в благоприятных вариантах к торможению «правильной» реакции на ситуацию, в неблагоприятных — к «нейтральному» отношению (см. также: [13, с. 116–120]).

Выводы

1. Уважение к пожилым людям в сельских/традиционных (со)обществах есть естественное следствие их социальной природы — по сути они являются (отсроченными) первичными группами, агрегацией потенциально знакомых (и условно равных) людей. Уклонение от статусных действий грозит человеку потерей лица/авторитета. Конкретные случаи проявления уважения/помощи являются здесь лишь элементами сложной цепи/системы *взаимопомощи* и *взаимовысоты* и не могут быть полностью поняты как самостоятельные эпизоды.

2. Современная «кавказская» модель уважения принципиально отличается от «сельской»: здесь уважение к старшему не специфическая форма благотворительности или (несимметричной) помощи («*уважение как помощь/внимание к слабому*»), а основанное на традиции признание его высокого авторитета («*уважение к мудрости/статусу*»). Следовательно, ключевая разница между Кавказом и собственно российскими территориями не в соблюдении/несоблюдении норм, а в различных моделях уважения, представленных в разных социальных модулях.

По вышеперечисленным причинам прямое сравнение сельских/кавказских реалий с городскими, а также сравнение современных русской и кавказской модели уважения следует считать некорректным.

3. Возможно, во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы уважения в сельских/традиционных (со)обществах является её функция конструирования (само)идентичности — подтверждение своей социальной полезности, максимально полный способ почувствовать себя одобряемой другими важной частью целого, с помощью которой происходит обретение чувства «мы» и «я» как его части.

4. По всей видимости, представления о норме уважения у мигрантов остаются если не прежними, то, по крайней мере, всё же более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходятся именно на поведение, но происходят они медленно и порой почти незаметно для них самих. У определённой части мигрантов (попадающих по приезду в родственную культурную среду/сообщество; приехавших на непродолжительное время) изменений может не быть вовсе.

5. Среди причин того, что представители культур с традиционно уважительным отношением к старости не проявляют его в должной степени в российских условиях, следует назвать следующие:

а) практически полное отсутствие репрессивных санкций за неопределение уважения;

б) *эрозия способа уважения* — несимметричные реакции пожилых людей в России в ситуациях межпоколенческих контактов сбивают носителей «уважительной» культурной традиции с усвоенных ими моделей реализации уважения; несмотря на немногочисленность таких случаев, они могут изменять траектории поведения субъекта/наблюдателя;

в) *размытость объекта уважения* — нестатусное, с точки зрения представителей традиционных культур, поведение пожилых может не просто вступать в противоречие с имеющимися представлениями о норме, но и дисквалифицировать пожилого человека как объект уважения.

Список респондентов:

(все — студенты СГТУ; область по умолчанию — Саратовская)

интервью №1 — 28.05.07, А., 21 год, (м.) — опыт азербайджанской культурной традиции

интервью №2 — 01.11.07, З., 19 лет, (ж.) — опыт дагестанской культурной традиции, Воронежская область, с. Пески

интервью №3 — 01.12.07, М., 19 лет, (ж.) — ингушская культурная традиция, г. Назрань

интервью №3а — 27.12.07, М., 19 лет, (ж.) — ингушская культурная традиция, г. Назрань, повторное интервью — см. №3)

интервью №4 — январь 2008, В., 23 года, (м.) — студент заочного обучения/рабочий, г. Москва/г. Саратов

- интервью №5* – 04.03.08, А., 21 год, (м.) — г. Александров Гай
интервью №5а – 15.04.08, парное: А., 21 год, (м.), (повторное интервью — см. №16), + А., 21 год, (м.)
интервью №6 – 12.03.08, Р., 22 года, (м.) — г. Петровск, татарская культурная традиция
интервью №7 – 14.03.08, В., 20 лет, (м.) — Красный Кут, п.г.т. Студгородок
интервью №8 – 15.03.08, Х., 20 лет, (м.) — дагестанская культурная традиция, Дагестан, г. Дербент
интервью №9 – 20.03.08, Е., 21 год, (ж.) — опыт казахской культурной традиции, г. Уральск
интервью №10 – 03.04.08, В., 20 лет, (м.) — Тюменская область, Нижневартовский район, г. Новоаганск
интервью №11 – 05.04.08, Е., 21 год, (ж.) — г. Балаково
интервью №12 – 27.05.08, А., 21 год, (м.) — г. Ершов
интервью №13 – 31.05.08, А., 21 год, (м.) — Ханты-Мансийский АО, п.г.т. Пойковский
интервью №14 – июнь 2008, Н., 31 год, (ж.) — студентка заочного отделения/госслужащая, Татищевский район, с. Вязовка
интервью №15 – июнь 2008, П., 25 лет, (м.) — студент заочного отделения/рабочий, Татищевский район, с. Сторожевка
интервью №16 – 23.10.08, М., 19 лет, (м.) — г. Калининск
интервью №17 – 21.11.08, В., 19 лет, (м.) — Сабуровский район, п.г.т. Лысье горы
интервью №18 – 05.12.08, А., 19 лет, (м.) — Духовницкий район, дер. Горяиновка
интервью №19 – 05.12.08, С., 19 лет, (м.) — пос. Октябрьский
интервью №20 – 20.12.08, А., 19 лет, (м.) — опыт осетинской культурной традиции, Северная Осетия-Алания, г. Моздок
интервью №21 – 20.12.08, Р., 19 лет, (м.) — Екатеринбургский район, с. Ольшанка

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабич И.Л.* Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М.: Росинформагротех, 2008. С. 171–186.
2. *Бадьштова И.М.* Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 38–46.
3. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999.
4. *Бгажноков Б.Х.* Старшинство в социальной организации адыгских народов // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 14–23.
5. *Березин С.В., Козлов Д.Д., Лисецкий К.С., Макаров А.В.* Адаптация студентов Северного Кавказа в ВУЗах г. Самары (опыт практической работы). Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004.

6. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблема социально-культурного синтеза). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007.
7. *Гудков Л.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6(80). С. 60–77.
8. *Дементьева С.В.* Особенности адаптации мигрантов из зарубежных стран в городах России (по данным социологических исследований) // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 5. С. 195–199.
9. *Кириллова Е.К.* Проблемы вынужденных переселенцев в России: глазами мигрантов // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 46–51.
10. *Кузьмина В.М.* Социально-психологические проблемы сельской молодежи в процессе обучения в вузе // Социальная политика и социология. 2006. № 3. С. 79–87.
11. *Мусукаев А.И., Першиц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик: [Б.и.], 1992.
12. *Смолькин А.А.* Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3(24). С. 253–264.
13. *Смолькин А.А.* Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 106–121.
14. *Титов В.Н.* О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41–50.
15. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб.: Астерион, 2008.
16. *Унежеев К.Х.* Культура и быт адыгов (черкесов) и балкарцев. Уч. пособие. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003.
17. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалёв Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 317–344.
18. *Яндиев М.А.* Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008.